

Г Л А В А IX.

Предъ возстаніемъ.

Что стоило Россіи Царство Польское.—Отношенія военныхъ поляковъ къ Цесаревичу.—Польскіе заговоры и тайныя общества.—Школа подхоружихъ.—Приготовленія къ возстанію.—Мѣры предосторожности въ русскихъ варшавскихъ полкахъ.—Жизнь русскихъ въ Варшавѣ предъ возстаніемъ.—Марковскія посидѣлки.—Послѣднія распоряженія и планы заговорщиковъ.

Статья 5-я торжественнаго акта, подписаннаго на Вѣнскомъ конгрессѣ уполномоченными Россіи, Австріи и Пруссіи, гласитъ, что Герцогство Варшавское навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи. Высокія державы, наши союзницы, какъ будто недостаточно успокоенныя насчетъ выраженія, опредѣляющаго полное и вѣчное подданство Царства Польскаго Россіи, присовокупили къ слову «навсегда» еще «*на вѣчныя времена*». Мы говорили уже, что дарованіе полякамъ автономіи и либеральныхъ учрежденій отнюдь не было обязательно для Императора Александра I, и явилось исключительно актомъ Его личной доброй воли. Мы видѣли, что прошло весьма немного лѣтъ, какъ великодушному Монарху пришлось уже разочароваться въ плодахъ своего милостиваго дара.

Правда однако и то, что не одна Польша, но и вся Европа этого времени находилась въ состояніи внутренняго броженія. Одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ военныхъ писателей ²⁾ очень мѣтко характеризуетъ эту эпоху адвокатовъ, газетчиковъ и раз-

²⁾ Денисъ Давыдовъ. См. его «Записки» въ «Р. Старики» 1872 г.

наго рода витіи, когда «громъ оружія былъ замѣненъ напряженіемъ гортаней и скрипомъ перьевъ», когда «вмѣсто Массень, Даву, Эрицъ-Герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ, Баграціоновъ—на арену европейской жизни выступили Одильоны, О'Конели, Могены и Лелевели», когда самый Наполеонъ— «этотъ очаровательный и исполненный поэзіи исполнитель, былъ замѣненъ девятистолѣтнимъ дитятей Лафайэтомъ, въ маскарадномъ платьѣ польскаго гренадера». «Въ эту-то эпоху, по выраженію Давыдова, битвы, размѣра гомерическаго, баснословнаго, уступили мѣста свои свалкамъ уличной черни, какъ и фразы Жомини—фразамъ аббата Ламенэ, повторяемымъ безъ толку и смыслу многими глупцами».

Не смотря однако ни на что, Императоръ Александръ I продолжалъ осыпать неблагодарную Польшу своими благодѣяніями. Мы уже видѣли, что попеченіями нашего правительства земледѣліе, промышленность и торговля Царства приведены были въ цвѣтущее состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ «Царствомъ», изнуреннымъ войнами и всяческими контрибуціями, всѣ денежные расходы его были приняты Россією на свой счетъ, а доходы обращены исключительно на удовлетвореніе потребностей Царства. По распоряженію русскаго правительства, изъ нашего государственнаго казначейства выданы были полякамъ ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы роздано до 106.000.000 рублей, въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина со ввозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до 1%, отчего наша русская таможня въ теченіи пятнадцати лѣтъ потеряла до 60.000.000 рублей! Польскимъ войскамъ назначено было жалованье, значительно превосходившее окладъ, опредѣленный русскимъ. Оружіе всякаго рода, порохъ и снаряды въ изобиліи высылаемы были изъ Россіи, а крѣпости улучшены по новѣйшимъ системамъ. Крѣпость Замостье, вредившая намъ въ послѣдствіи столь много, была возобновлена и значительно усилена. И все это на

русскія деньги! Русскіи корпусъ войскъ, постоянно расположенный на границѣ Царства—какъ мы видѣли уже—получилъ особую организацію, названъ *отдѣльнымъ литовскимъ*, и всѣ служившіе въ немъ русскіе люди переведены въ другіе корпуса, расположенные въ нѣдрахъ Имперіи.

Служба въ рядахъ польской арміи ограничивалась для нижнихъ чиновъ только десятью годами ¹⁾, что и послужило прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію съ военнымъ ремесломъ всей націи. При первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія весьма легко могла быть удвоена и даже утроена, безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ въ ея ряды, въ чемъ мы и успѣли убѣдиться на опытѣ 1831 года. Наконецъ, стремленіе поляковъ къ почестямъ и наградамъ было вполне удовлетворено неисчислимыми щедротами Его Величества, ежегодно осыпавшаго своими милостями военно-служащихъ поляковъ, по представленіямъ Цесаревича. И надо было видѣть—по замѣчанію современниковъ ²⁾ до какого совершенства выработали они себѣ личину преданности къ нашему правительству, подъ которою скрывали свои замыслы! «Нельзя позабыть—говоритъ Денисъ Давыдовъ ³⁾,—до какой степени отвратительнаго раболѣпства доходила во дни безмятежія бѣлая часть поляковъ относительно Цесаревича, а впоследствии эти, видвинутыя мятежемъ, личности не замедлили оскорблять Его Высочество дѣломъ и словомъ». Всѣ они вообще, и въ особенности тѣ, кто завѣдывали какими-либо важными отраслями военного управленія, старались, наперекоръ собственному нерасположенію къ фронтовой службѣ, обнаруживать безграничное къ ней рвеніе. Они всеми мѣрами помогали пріобрѣсти благосклонность и довѣріе Цесаревича и не щадили средствъ, чтобы угодить малѣйшимъ его

¹⁾ Изъ коихъ на два послѣдніе года обыкновенно увольнялись въ отпускъ.

²⁾ Д. В. Давыдова; М. К. Максимовича.

³⁾ «Р. Старина» 1872 г. т. VI, стр. 10.

капризамъ. Мы видѣли уже, какъ даже младшіе чины доводили служебный педантизмъ до такихъ мелочей, что по цѣлымъ суткамъ не разстегивали чешуи, не снимали перчатокъ. И—надо отдать имъ справедливость—они вполнѣ успѣли обмануть въ свою пользу доврчивое сердце Цесаревича. Какъ доказательство особливо деликатныхъ отношеній Его Высочества къ полякамъ можно привести слѣдующій случай: когда Ермоловъ, проѣздомъ изъ Лайбаха, въ 1821 году, гостилъ у Великаго Князя, и Цесаревичъ однажды показывалъ ему Варшаву,—Алексѣй Петровичъ, въ присутствіи польскихъ генераловъ, началъ рассказывать о Суворовскомъ штурмѣ Праги, въ которомъ самъ участвовалъ. Великій Князь, опасаясь, что напоминаніе объ этомъ событіи можетъ быть неприятно самолюбію поляковъ, успѣвши отклонить разговоръ въ другую сторону, и этотъ маленькій случай послужилъ—было причиною даже нѣкоторой размолвки Его Высочества съ Ермоловымъ, котораго онъ любилъ и уважалъ искренно. Впрочемъ, впоследствии Цесаревичъ вполнѣ примирился съ нашимъ знаменитымъ ветераномъ ¹⁾.

Пользуясь такимъ расположеніемъ и довріемъ Его Высочества, военные сановники польскіе успѣли исходатайствовать чрезъ него разныя улучшенія въ завѣдуемыхъ ими частяхъ и тѣмъ приуготовили себѣ способы къ будущей борьбѣ съ Россіею. Такъ напримѣръ, подъ предлогомъ негодности оружія, испросили они присылку изъ Россіи новаго, и когда въ Варшаву было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей,—мнимо-негодное оружіе было ими задержано и впоследствии употреблено противъ насъ же. То же самое повторялось относительно пушекъ, пороха, зарядовъ и прочихъ предметовъ военного снаряженія. Не ограничиваясь этимъ, испросили поляки также позволеніе обнести Варшаву глубокимъ ровомъ и высокою насыпью, подѣ

---

¹⁾ «Р. Старина» 1872 г. кн. VI, стр. 481.

удобнымъ предлогомъ, чтобы затруднить ввозъ контрабанды. Наконецъ, за нѣсколько времени до возстанія они вздумали было просить о возведеніи крѣпости въ Тирасполѣ, какъ разъ на супротивъ самага Брестъ-Литовска; но къ счастью, на это не послѣдовало согласія Его Величества.

Между тѣмъ обычная система подпольныхъ польскихъ заговоровъ шла своимъ чередомъ. Уже въ 1814 году возникло вторично тайное общество, коего члены назывались «истинными поляками». Другое подобное же общество, подъ именемъ «вольныхъ поляковъ», образовалось въ 1817 году между студентами и профессорами варшавскаго университета. Въ 1819 году нѣкто майоръ Лукашинскій основалъ, съ тайными политическими цѣлями, «національное общество свободныхъ массоновъ». Далѣе пошли уже общества подъ названіемъ «коспньеровъ», «карбонариевъ польскихъ», «филаретовъ» и проч. Всѣ они сопровождали свою подпольную дѣятельность обычнымъ и столь свойственнымъ польскому характеру фарсерствомъ и театральничаньемъ, въ родѣ клятвъ съ ножами въ рукахъ предъ воткнутою въ землю шпагою, предъ бюстомъ Костюшки и т. п. ¹⁾ Пропаганда и развѣтвленія всѣхъ этихъ обществъ проникали въ массы населенія, преимущественно городскаго, посредствомъ извѣстной теперь системы «десятокъ» и распространились столь успѣшно, что вскорѣ само правительство убѣдилось въ ихъ существованіи. Вслѣдствіе этого, лѣтомъ 1822 года, назначена была особая слѣдственная коммиссія, которая и напала на вѣрныя нити. Нѣкто Кржыжановскій, офицеръ польскихъ войскъ, умный, ловкій и привлекательной наружности, старался преимущественно дѣйствовать на молодыхъ офицеровъ. Онъ учредилъ въ различныхъ полкахъ общины, долженствовавшія исподволь распространять духъ мятежа въ цѣломъ полку, дабы можно было съ увѣренностію располагать войсками, когда дѣло дойдетъ до воз-

---

¹⁾ Ф. Смигъ. Ист. Польск. возст. ч. I, стр. 43.

станія. Всѣ высшіе и старѣйшіе офицеры, по программѣ Кржыжановскаго, были исключены изъ заговора, для большей предосторожности. Между тѣмъ слѣдственная комиссія черезъ два года (въ 1824 г.) привела къ окончанію свои занятія, и главнѣйшіе заговорщики были приговорены къ продолжительному заключенію въ крѣпости, но Государь Императоръ значительно смягчилъ ихъ участь. Однако въ этой Монаршей милости «патріотическій союзъ» почерпнулъ только новую бодрость и съ болѣею увѣренностію предался прежнимъ своимъ конспираціямъ, вступивъ въ переговоры и соглашеніе съ русскими заговорщиками «южнаго общества».

Признанія «декабристовъ» обнаружили новыя польскія козни и ковы, и такъ-какъ болѣшая часть польскихъ заговорщиковъ состояла изъ военныхъ, то Цесаревичъ предложилъ судить ихъ военнымъ судомъ, но Государь Императоръ, проникнутый желаніемъ соблюсти въ точности всѣ законныя формы, пренеручилъ произнесеніе приговора польскому Сенату, какъ высшему государственному судилищу по предпріятіямъ объ оскорбленіи Величества. Хотя это преступленіе и было доказано вполне и совершенно ясно, но . . . сенаторы оправдали подсудимыхъ. Тогда Государь отдалъ этотъ приговоръ на разсмотрѣніе Совѣту управленія Царствомъ Польскимъ, — и приговоръ этого наивысшаго суда заключался въ томъ, что «Сенатъ, по несовершенству законовъ, не могъ произнести иного приговора».

За симъ послѣдовало полное освобожденіе заключенныхъ.

Между тѣмъ Россія была вовлечена въ трудную войну съ Турціей, и это обстоятельство возбудило въ заговорщикахъ новую энергію и новыя надежды. Тогда-то вотъ, независимо отъ прежнихъ заговоровъ, образовался еще одинъ, новый, между военнотанниками варшавской «школы подхоронжихъ», душою котораго явился подпоручикъ польскаго гвардейско-гренадерскаго полка, Петръ Высоцкій. Это общество соединилось съ другимъ тай-

нымъ обществомъ военной молодежи, руководителемъ котораго былъ учитель плаванія, подпоручикъ Юзефъ Заливскій, и со всѣми университетскими тайными союзами, число которыхъ было велико и которые безпрестанно принимали новые виды и новыя, непремѣнно красивыя, названія.

Высоцкій, не ограничиваясь подпрапорщиками, дѣятельно набралъ себѣ сообщниковъ, гдѣ только могъ и преимущественно между молодыми офицерами польскаго войска, а затѣмъ вступилъ въ заговорщическія сношенія и съ городскими жителями. Къ этому заговору пристали вскорѣ лица весьма солидныя и высокопоставленныя; даже самъ князь Адамъ Чарторыйскій, бывшій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ надеждѣ быть избраннымъ если не сразу въ короли, то на первое время хотя бы въ диктаторы, примкнулъ къ партіи дѣйствія, посредствомъ своего родственника Тита Дзялынскаго. Въ этой-то магнатской партіи возникла первая мысль о посягательствѣ на жизнь Государя и Царской Фамиліи, ¹⁾ послѣ чего союзъ ея съ подпрапорщиками сдѣлался еще дѣятельнѣе, и кровавый замыселъ противъ особы Его Величества рѣшено было привести въ исполненіе во время Его коронаціи въ Варшавѣ. Но Провидѣніе пеклось о главѣ Монарха и сдѣлало тщетными всѣ гнусныя замыслы Его враговъ. Въ рѣшительный часъ руководители, эгоистически опасаясь за послѣдствія низкаго дѣла для самихъ себя, изъ чувства страха отклонили на время исполненіе замысла, подъ предлогомъ что «минута не благоприятствуетъ и потому необходимо подождать еще нѣкоторое время» ²⁾.

Съ отъѣздомъ Государя въ 1830 году изъ Варшавы, признаки приближавшейся бури стали яснѣе и яснѣе чувтятся въ

¹⁾ Ф. Смитъ, ч. I, стр. 106—107 и М. Мохнацкій, ч. I, стр. 547.

²⁾ Подчашинскій (*Revue des deux mondes* 1831, I, p. 332), Мохнацкій (*Powstanie narodu Polskiego w 1830 и 1831. Paryz 1834, c. I, str. 518*), Мирославскій (*Histoire de la revolution de Pologne, Paris 1836, I p. 114*) и другіе, за исключеніемъ нѣмца Шпацера, не скрываютъ, что дѣло шло о смертномъ умыслѣ.

средѣ поляковъ. Агитаторы всячески старались освоить чернь съ идеею о возстаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ запугать людей не почувствовавшихъ. Въ первыхъ числахъ октября на углахъ улицъ появились наклеенныя прокламаціи, возбуждавшія поляковъ къ революціи; затѣмъ слѣдовали угрозы противъ Великаго Князя и объявленіе, что съ новаго года Бельведеръ отдастся въ наймы. Большинство предчувствовало, что скоро разыграется буря; революція была въ умахъ.

Нѣсколько разъ опредѣляли даже день, когда она начнется. Офицеры русскихъ варшавскихъ полковъ тоже предчувствовали предстоящій переворотъ и были готовы на всѣ крайности. Мѣры предосторожности были усилены. Отъ русскихъ полковъ по очереди стали высылаться въ городъ особые ночные патрули ¹⁾, которымъ вскорѣ каждый разъ начали выдавать на человѣка по десяти боевыхъ патроновъ, возвращаемыхъ по утрамъ въ эскадронные цейхгаузы ²⁾. Великій Князь иногда лично отправлялся предъ разсвѣтомъ повѣрять эти патрули по городу и внушалъ, чтобы обязанности ихъ службы исполняемы были какъ можно рачительнѣе ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество заблаговременно назначилъ русскимъ полкамъ на случай тревоги сборные пункты. Кирасиры, наши уланы и гродненцы должны были собираться на площади своихъ казармъ и немедленно слѣдовать къ общему сборному мѣсту на Мокотовскомъ полѣ. Въ каждомъ полку одинъ изъ эскадроновъ по очереди долженъ былъ оставаться дежурнымъ: люди въ теченіи сутокъ находились въ полномъ сборѣ, въ своей казармѣ, а лошади стояли на конюшняхъ засѣданными; мундштуки, конечно, были сняты и подпруги ослаблены ⁴⁾; такимъ образомъ дежурная часть, въ

---

¹⁾ Приказы по полку отъ 16-го іюля 1830 г. и послѣдующіе.

²⁾ Приказъ по полку отъ 1-го сентября 1830 г. § 10.

³⁾ Приказъ Цесаревича и приказъ по полку отъ 21-го октября 1830 г. § 8.

⁴⁾ Изъ разсказовъ барона А. Ф. Розена.

какія-нибудь три-четыре минуты могла уже быть введена въ дѣло.

Варшавская чернь, подстрѣкаемая агитаторами, сдѣлалась очень дерзка и нахальна и всячески выпскивала случаи, чтобы задирать русскихъ солдатъ, заводить съ ними буйныя ссоры и драки. Въ нашемъ полку было нѣсколько подобныхъ случаевъ, и въ одномъ изъ нихъ рядовой Кононъ Филипчукъ жестоко поплатился за свою неосторожность. Вовлеченный въ драку «партикулярными людьми», онъ, для примѣра прочимъ, былъ наказанъ пятью стами розогъ и выписанъ въ армию ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же случай, во избѣжаніе дальнѣйшихъ повтореній, вызвалъ, въ видѣ временной мѣры, учрежденіе особаго унтеръ-офицерскаго караула на сосѣдней съ казармами Черняковской улицѣ. Караулъ этотъ обязанъ былъ содержать особые посты предъ входомъ въ каждый шинокъ, чтобы не впускать туда солдатъ русскихъ полковъ и предупреждать ихъ столкновенія съ «цивильными» ²⁾.

Всѣ русскіе жили какъ-бы между двумя пароксизмами лихорадки: по слухамъ, на такое-то число назначается день всеобщаго возстанія, — всѣ ждуть, заряжаютъ пистолеты, стараются не быть въ разбродѣ и устраиваются такъ, чтобы быть въ полной готовности и на своемъ посту въ каждую минуту; но день проходить, рѣзня (гзна) не начинается, настороженное вниманіе ослабѣваетъ и, мало по малу, люди начинаютъ предаваться обыденнымъ занятіямъ и привычкамъ своей жизни. Такимъ образомъ прошло уже нѣсколько сроковъ, назначенныхъ для возстанія, а городъ казался спокойнымъ, и это обстоятельство усыпило бдительность высшихъ начальниковъ, которые стали смотрѣть на господствовавшее волненіе умовъ, какъ на отраженіе волненій во Франціи. Чѣмъ болѣе говорилось о революціи, тѣмъ менѣе ей вѣрилось.

¹⁾ Приказъ по полку отъ 24-го сентября 1830 г. § 8.

²⁾ Приказъ по полку 24-го сентября 1830 г. § 2.

Когда начали появляться первыя безыменныя записки съ предсказаніями о революціи на такое-то число, то почти всѣ русскіе генералы рѣшились собираться по вечерамъ у командира нашего полка, Ивана Васильевича Маркова, какъ начальника части, которая была ближе расположена къ Бельведеру, и просиживали у него, обыкновенно, часовъ до 4-хъ и 5-ти утра, чтобы быть наготовѣ и выѣхать вмѣстѣ, въ случаѣ тревоги. Эти собранія назывались *посидѣлками* и повторялись сначала очень часто, но подѣ-конецъ, когда замѣтили, что предсказанія о возстаніи не сбываются, то и посидѣлки стали повторяться рѣже ¹⁾.

Но вотъ, распространилось по Варшавѣ извѣстіе, что министръ финансовъ кн. Любецкій получилъ изъ Петербурга повелѣніе пополнить казну на случай предстоящаго похода въ Бельгію, которая, съ помощью мѣстныхъ революціонныхъ элементовъ, предприняла полное отдѣленіе отъ Голландіи. Передавали за вѣрное, что польская армія выступитъ на усмиреніе этой страны въ авангардѣ русскихъ войскъ, что походъ окончательно уже рѣшенъ и остается только на дняхъ же ожидать выступления. Извѣстіе это въ нѣсколько часовъ облетѣло весь городъ и, въ виду его, «даже наиболѣе щекотливыя люди между поляками сочли себя въ правѣ смотрѣть на свою должностную присягу, какъ на вынужденную (?) и необязательную» ²⁾. Одни изъ нихъ встрѣтили эту вѣсть радостно, въ расчетѣ на обще-европейскую войну, на возстаніе и революцію у всѣхъ народовъ; другіе же опасались, что войска, на которыя болѣе всего они могли рассчитывать, будутъ удалены изъ Польши ранѣе, чѣмъ могли бы быть окончены всѣ приготовленія, а вмѣстѣ съ этимъ являлась вѣроятность, что уйдутъ и деньги, собранныя въ государственномъ казначействѣ, и военные запасы, собранные въ Модлинѣ. Вслѣдствіе этого рѣшено было не терять времени и разо-

¹⁾ Воспоминанія К. Н. Колзакова «Р.Старина» 1873 г. кн. V, стр. 393.

²⁾ Швациръ. I, 168.

слать повсюду эмиссаровъ, въ особенности же въ литовскіи корпусъ. Съ этого времени пропешествія стали уже развиваться съ возрастающею быстротою и повлекли за собою начало возстанія ранѣе предполагаемаго времени. Даже самъ Лелевель, при всей своей иезуитской осторожности, почелъ благовременнымъ войти въ непосредственныя сношенія съ Залевскимъ и Высоцкимъ. На совѣщаніи между ними было условлено начать возстаніе въ воскресенье 16-го (28-го) ноября; но впоследствии оно было отложено до понедѣльника, такъ какъ въ этотъ день всѣ караулы въ Варшавѣ будутъ заняты по очереди не русскими, а исключительно польскими войсками. На этомъ же совѣщаніи была рѣшена смерть Великаго Князя, что и должно было послужить начальнымъ дѣломъ всего возстанія, такъ какъ Лелевель опасался, что «если Его Высочество останется въ живыхъ, то весьма вѣроятно, что нѣкоторыя войска стануть колебаться—принять ли ихъ сторону» ¹⁾. Такимъ образомъ, по выраженію историка, ²⁾—«адвокаты безъ кліентовъ, доктора безъ пациентовъ, молодые субалтернъ-офицеры, не возжелавшіе болѣе быть субалтернами и, наконецъ, магнаты-претенденты безъ престола явились главными виновниками революціи въ Польшѣ».

Силы русскихъ войскъ въ Варшавѣ, или—что рѣшительно тоже самое—во всемъ Царствѣ Польскомъ, не превышали семи тысячъ человекъ, а Великій Князь, въ своей довѣрчивости, рассчитывая на вѣрность польскихъ войскъ, рѣшительно не опасался съ ихъ стороны нападенія.

Рано утромъ 16-го (28-го) ноября Залевскіи послалъ офицеровъ въ польскіе полки, расположенные въ окрестностяхъ, извѣстить заговорщиковъ, что возстаніе вспыхнетъ 17-го вечеромъ и сообщить имъ, что они при этомъ должны дѣлать. Одни изъ нихъ должны были захватить въ расплохъ русскія гвардейскія бата-

¹⁾ Ф. Смитъ, ч. I, стр. 121.

²⁾ Ibid.

реп, стоявшія въ Гурѣ и въ Скверневицахъ, другіе въ расплохъ же обезоружить въ Блонѣ русскій учебный баталіонъ, спасенный благодаря единственно гражданскому мужеству, находчивости и рѣшимости баталіоннаго адъютанта, поручика Михаила Максимовича. Къ счастью, и батареямъ удалось благополучно проскользнуть между войсками, шедшими на предпріятіе захвата оныхъ. Въ тотъ же день Людвигъ Набѣлякъ принялъ присягу 32-хъ студентовъ, назначенныхъ къ покушенію противъ особы Цесаревича. Планъ заговорщиковъ заключался въ трехъ главныхъ пунктахъ: 1) умерщвленіе Великаго Князя, 2) взятіе арсенала и 3) обезоруженіе русскихъ войскъ. Между прочимъ, въ силу послѣдняго пункта этого плана, вооруженные подпрапорщики должны были направиться къ казармамъ трехъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ и, съ помощью трехъ ротъ сводно-егерскаго баталіона и четырехъ орудій учебной батареи, обезоружить русскихъ кирасиръ, уланъ и гусаръ. Предпріятіе это казалось тѣмъ легче, что казармы русской кавалеріи на Сольцѣ, близъ Лазенокъ, были построены никакъ не съ цѣлью обороны отъ непріятельскаго нападенія, но для охраненія солдатской дисциплины: это были длинныя, низкія, деревянные бараки, окруженные широкими и глубокими водяными рвами, чрезъ которые вело нѣсколько деревянныхъ мостовъ, и стоило только занять эти мосты пѣхотою, чтобы принудить всю кавалерію сдаться, если она не предпочла бы потонуть во рвахъ или живо сгорѣть въ деревянныхъ казармахъ и конюшняхъ. Бараки нашего полка представлялись наиболѣе удобными для начала нападенія, такъ какъ они находились ближе прочихъ къ зданію школы подпрапорщиковъ; сѣвернѣе ихъ были кирасирскія, а южнѣе гусарскія казармы.

Школа подпрапорщиковъ, за исключеніемъ небольшого числа русскихъ юнкеровъ, состояла болѣе чѣмъ изъ двухсотъ взрослыхъ людей, старѣе 20-ти-лѣтняго возраста, принадлежавшихъ почти исключительно къ сословію мелкой шляхты.

Караулы столицы въ этотъ день были заняты знаменитыми «Чвартаками», которые должны были, покинувъ свои посты, направиться вмѣстѣ съ гренадерскими ротами 5-го и 8-го полковъ противъ арсенала, находившагося почти въ самомъ центрѣ города, и во что бы то ни стало овладѣть имъ. Наконецъ, Ксаверію Брониковскому было поручено управленіе возстаніемъ уличной черни, для чего онъ обязанъ былъ распредѣлить разныхъ лицъ по всѣмъ кварталамъ города, для возмущенія народа подъ тѣмъ предлогомъ, будто русскіе рѣжутъ поляковъ. Всѣхъ русскихъ генераловъ и офицеровъ предполагалось схватить и умертвить, въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія; сигналомъ же для общаго возстанія должно было служить пламя подожженной пивоварни на Сольцѣ, вблизи казармъ русской кавалеріи.

